

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ КОНТРРАЗВЕДКИ РОССИИ И НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Изучается ранее не получавшее освещения в исследованиях архивное дело из фондов Государственного архива Иркутской области «Об иностранных путешественниках». Материалы архивного дела свидетельствуют, что российская администрация скрупулезно следила и собирала информацию о перемещениях подданных враждебных России в годы Первой мировой войны держав – Османской, Австрийской, Германской империй – в районе русско-китайской границы. Освещаются вопросы побегов военнопленных из российских пределов в Китай. На основании этих данных сопоставляются факты, полученные из иных архивных источников, а также имеющиеся в научной литературе.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; иностранцы; военнопленные; миграция.

В начале XX в. при осуществлении контрразведывательной работы у российских правоохранительных структур возникла потребность в организации межведомственного взаимодействия, поэтому в 1907 г. российские – военное, морское и внутренних дел – министерства решили создать в каждом генерал-губернаторстве империи контрразведывательные отделения (КРО) [1. Л. 3 об.–5 об.].

Главными задачами КРО были надзор за перемещением иностранных подданных и граждан, наблюдение за контактами иностранцев с российскими подданными, за чиновниками, их разговорами в общественных местах, доходами и пр. [Там же].

В Иркутске и Владивостоке КРО располагали штатом около десяти сотрудников в каждом подразделении [Там же].

Опираясь на негласных осведомителей два десятка агентов КРО должны были накануне и в годы Первой мировой войны выявлять шпионов на территории Восточной Сибири и русского Дальнего Востока.

Лиц, уличенных в военном шпионаже, привлекали к уголовной ответственности на основании ст. 108–119 Уголовного уложения по изданию 1903 г. (санкция предусматривала от 15 лет лишения свободы до бессрочной каторги) или прекращали их «враждебную деятельность» путем административной высылки (если не была собрана достаточная доказательная база) [2. С. 126].

Созданная накануне Первой мировой войны контрразведка стала участником той драмы, которая волнует историков и в настоящее время.

Некоторые исследователи, в числе которых Н.В. Греков, полагают, что в годы Первой мировой войны в России бушевала ничем не оправданная шпиономания. Сообщения жандармерии о том, что немецкие фирмы имели своей целью организацию саботажа в тылу России, для чего у немцев существовали особые способы связи и группы китайских агентов, исследователь признает фальсификацией [Там же. С. 245–252].

Другой ученый с Дальнего востока – Т.Я. Иконникова, напротив, утверждала, что шпионская деятельность иностранных держав на востоке России в годы Первой мировой войны приобрела грандиозные масштабы [3. С. 270–275].

Разобраться в этой дискуссии могут помочь только документальные источники, ранее не вводившиеся в научный оборот. В частности, таким источником являются телеграммы контрразведывательных отделов, которые хранятся в архивном деле № 112 фонда № 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора». Дело «Об иностранных путешественниках» относится к делопроизводству дипломатической части Иркутского генерал-губернаторства и повествует о событиях 1915–1917 гг., связанных с иностранцами на востоке страны.

Как свидетельствуют телеграммы, в начале войны стало очевидным, что восточные окраины Российской империи стали объектом внимания не только германской и австрийской, но и турецкой разведок. Так, обсуждался вопрос о деятельности в регионе «нашего врага – турецкого подданного Хамсана Эфенди» [4. Л. 41].

Турецкий подданный Хасан Эфенди 21 января 1915 г. с двумя германцами выехал из Пекина в провинцию «Юнь-иань» (Западный Китай), чтобы оттуда пробраться до Кашгара, а затем по русской территории в Бухару с целью вести там антирусскую агитацию [Там же. Л. 42].

В том же источнике сообщалось, что Хасан Эфенди получил российские поддельные документы от проживавшего на территории германской концессии в Тяньцзине турка Гуссейна Ходти [Там же].

Надо отметить, что проезд турок по поддельным паспортам через русскую территорию в годы войны не был фантастическим мероприятием. Так, ранее императорская миссия в Пекине ознакомила Иркутского генерал-губернатора с удостоверениями, выданными начальником 1-го отделения полицейского надзора на территории Китайской Восточной железной дороги от 26 ноября 1914 г. № 9191. Эти удостоверения являлись наглядным свидетельством слабости паспортного контроля жандармской полиции Забайкальской железной дороги, однако данные документы дали возможность группе турецких подданных не только проехать в Россию, но даже проживать в Москве [Там же. Л. 87].

В сложившейся ситуации особое внимание российских властей вызвали иностранцы, жившие в Сибири и на Дальнем Востоке. Российские власти подозревали их либо в изготовлении документов, либо в

снабжении ими лиц, враждебных российской государственности.

Прежде всего, под подозрением оказались иностранные проститутки.

Так, 24 января 1915 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления (ГЖУ) сообщил Иркутскому генерал-губернатору о том, что путем негласного расследования совместно с контрразведкой установлено, что члены японских обществ «взаимопомощи», в которые входят проститутки, поставляют японскому консулу во Владивостоке коммерческую и военную информацию (о передислокации российских частей и состоянии системы управления краем) [5. Л. 10; 14].

Если смотреть территориально, то бордели, организованные иностранцами, располагались в следующих местах: в Хабаровске было 8 публичных заведений, в облуге которых работали 14 японцев и 118 японок-проституток; во Владивостоке – 17 заведений с 230 проститутками-японками и китайками. В Благовещенске было 4 публичных дома с 32 профессиональными жрицами любви из Страны восходящего солнца. В Чите действовали 3 заведения с 21 японской девушкой. В селском Имане (где находились воинские части и лагеря военнопленных) также были открыты 3 публичных дома с 31 японкой, в селении Новокиевском – 3 проститутки-японки работали в одиночку. В Сретенске в 3 публичных домах было 29 женщин. В Нерчинске торговали своим телом 6 японок. В селении Раздольном был только один публичный дом с 9 японскими гейшами, а в Никольск-Уссурийском – целых 7 с 64 жрицами любви. Наконец, в городе Зея в 5 публичных домах значилось 40 проституток-японок [5. Л. 434–437].

Вместе с тем была развита нелегальная проституция. Так, в китайском пограничном с Россией городке Мохэ в 1907 г. жили 20 японцев-мужчин и 40 женщин-японок. Большинство подданных микадо работали в публичном доме. Японки из дома терпимости зарабатывали себе на жизнь тем, что переходили границу и работали в российских казармах, расположенных сразу же за Мохэ [6. Оп. 3. Д. 22. Л. 31].

Следует отметить и то, что, по официальным документам МВД, китайская проституция почти отсутствовала в Забайкальской и Амурской областях (Отчет Благовещенского врачебно-полицейского комитета по дозору за проституцией при МВД от 9 июня 1915 г. [7. Л. 91]), но доминировала в Приморской области. Как свидетельствуют статистические данные МИДа за 1912 г., в городах Приморской области наиболее массово занимались проституцией китайки. Тогда в крае находились помимо русских 478 китайских, 348 японских и 22 европейские путаны [8. Д. 1056. Л. 7 об.].

Оторванные от семьи, мобилизованные в армию и флот, российские подданные-мужчины представляли большой коммерческий интерес для международных путан. Приехавшие в 1914–1915 гг. в Россию иностранки обслуживали военнотружущих Приамурского военного округа, моряков Тихоокеанского военного флота, иностранных и российских моряков торговых флотов.

Улицу Пекинскую (ныне адмирала Фокина) во Владивостоке, особенно в начальной ее части, в простонародье именовали улицей «красных фонарей». Публичные дома с иностранным участием были и на улицах Корейской (Пограничной), Семеновской, Фонтанной и во многих домах корейской слободы. Контингент проституток в корейских публичных домах был в основном китайский. Японские же публичные дома возглавляли японцы и персонал там был японский.

Долгое время в российском законодательстве не было норм, по которым иностранцы могли быть привлечены к правовой ответственности за организацию притонов.

Юридической причиной усиления борьбы с проституцией иностранок в России стал указ Приамурского генерал-губернатора от 22 января 1915 г., которым предписывалось:

- 1) запретить иностранцам открывать новые публичные дома в крае;
- 2) установить за публичными домами с иностранным персоналом строгий полицейский надзор;
- 3) взамен закрываемых иностранных домов терпимости открывать только русские, не допуская туда ни китайцев, ни японцев даже в качестве прислуги [6. Оп. 3. Д. 17. Л. 23].

7 февраля 1915 г. Иркутский генерал-губернатор также подписал указ о регистрации всех прибывающих в край японских и китайских подданных, а также о запрете им работать в публичных заведениях [9. Л. 30–33].

Российская контрразведка и полиция не зря опасались китайцев. После начала Первой мировой войны германская разведка получила значительные суммы на проведение диверсий в российском тылу.

Немецкими офицерами в Китае были открыты курсы обучения методам партизанской борьбы [3. С. 46]. Ученики курсов за первую половину 1915 г. оказали содействие в побегах семерым германским и трем австрийским офицерам [9. Л. 19].

Несмотря на прилагаемые российской жандармерией и контрразведкой усилия, китайские группы продолжали функционировать, поэтому случаи побегов продолжались. К 28 ноября 1916 г., по данным Главного управления генерального штаба, общее количество бежавших в Китай военнопленных составило с начала войны немалое количество – 145 офицеров и 717 нижних чинов. Из Приамурского военного округа (ПВО) бежали 10 офицеров и 61 нижний чин; из Иркутского военного округа (ИВО) – 67 офицеров и 18 нижних чинов; из Омского военного округа – 46 офицеров и 66 нижних чинов; из Туркестанского военного округа – 22 офицера и 572 нижних чина [8. Д. 3341. Л. 281].

Итак, из пределов ИВО и ПВО бежали 77 офицеров и 79 нижних чинов. Всего существовало пять мест на границе, через которые китайцы переводили военнопленных. Потом китайские агенты передавали бежавших немецким коллегам, которые и сопровождали их в германское консульство в Мукдене. Руководил этими операциями в конце 1916 – начале 1917 г. помощник германского консула, китаец Тан Жучжен [Там же. Л. 313, 319].

Раскрытие китайских групп произошло благодаря перлюстрации корреспонденции.

Так, российской Императорской миссией в Пекине было задержано письмо от 8 марта 1916 г. за № 373, отправленное из Барнаула неким Франком Белом, на имя А. фон Ростхорна, австрийского посланника в Пекине. Судя по конверту, это письмо миновало внутренний цензурный контроль [9. Л. 65]. Это вызвало подозрение российских дипломатов, которые к 1916 г. установили деловые отношения с властями Китайской Республики.

На основании переданного российским властям текста письма за указанными в нем лицами было установлено негласное наблюдение.

В течение двух месяцев наблюдение дало свои результаты, и в мае 1916 г. жандармским управлением региона и в штаба Иркутского и Приамурского военных округов пришли циркулярные секретные донесения о том, что побеги военнопленные совершают после того, как получают поддельные испанские и норвежские паспорта [Там же. Л. 70].

По секретным сведениям, такие паспорта были изготовлены в большом количестве за подписями испанского консула в Шанхае Состоа и норвежского генерального консула в Шанхае Эйтцена. Эти паспорта можно было отличить от оригинальных благодаря допущенным в них ошибкам в штампе о взыскании пошлины [4. Л. 73].

В сентябре 1916 г. российскому консулу в Куаньченцзы удалось секретным образом ознакомиться с перепиской между германским генеральным консульством в Мукдене и неким Штоффлером, причем обнаружилась попытка германцев организовать этапы для облегчения следования по Китаю бежавших военнопленных. Немецкий текст записки по этому поводу вместе с переводом ее на русский язык был препровожден в Россию [Там же. Л. 79].

Из перевода записки «Пункты для оказания помощи нашим военнопленным» очевидно, что предлагалось иметь по одному посту в Хайларе, в Болунэ, в Айгуне, в Линьсяне и в Саньчагоу – всего пять постов, задачей которых являлась помощь беглецам.

Заведующие постами – китайцы – получали ежемесячное вознаграждение в 10 мексиканских долларов, из которых 7 они получали на руки, а 3 доллара оставались в качестве гарантии у германских представителей. Заведующие постами должны были уметь писать и читать, точно сообщать свои адреса и находиться в таких местах, чтобы с ними была возможна переписка. Свои сообщения о беглецах они должны были адресовать в Чаньчунь (Сиань). Помимо ежемесячного вознаграждения китайским агентам немецкие дипломаты оплачивали проезд по железной дороге и гужевым транспортом [9. Л. 84].

Установление разведкой контроля над китайскими агентами принесло свой результат осенью 1916 г.

Так, уже 30 сентября российские власти получили сведения о том, что ожидается прибытие в Китай четырех немецких офицеров, бежавших из плена и собиравшихся двинуться через Монголию [Там же. Л. 85].

О дальнейшей судьбе бежавших немцев свидетельствует акт, составленный казаками, прикомандированными к консульству в Урге – столице Монголии того периода, от 11 декабря 1916 г.:

«Сегодня в 10 часов утра в северо-восточном углу русского православного кладбища в Урге в присутствии Императорского дипломатического агента в Монголии, младшего офицера конвоя Генерального Консульства, прапорщика Владимира Малышева и нескольких казаков консульского конвоя погребены в одной общей могиле в трех отдельных гробах офицеры германской армии: ротмистр 13 государственного полка Макс Грей; обер-лейтенант артиллерии фон-Вернер; лейтенант армии, причисленный к Министерству Иностранных Дел фон-Гофмейстер, в чем и составлен настоящий акт. Императорский дипломатический агент в Монголии: прапорщик Малышев» [9. Л. 89].

Из копии «Показания приказанного Константина Бояркина» очевидно, что начальник конвоя приказал Константину Бояркину с четырьмя казаками конвоя Императорского Генерального Консульства в Урге: «...приказанным Курбатовым, казаком Широкоглазовым, казаком Цыгуновым, казаком Ерындиным и монгольским чиновником, выехать в 6 часов вечера 14 ноября 1916 года по монгольской почте на сменных лошадях для поимки трех военнопленных, бежавших из Троицкосавска. 23 ноября казаки настигли караван монголов. Из группы в 3 человека было произведено 5 выстрелов. Тогда начальник конвоя приказал спешить, оставить одного коневода при конях, подняться на бугор и дать по стрелкам залп. После второго залпа все трое были убиты. В руках у одного из настигнутых был револьвер» [Там же].

Рапорт начальника консульского конвоя в Урге на имя императорского дипломатического агента в Монголии от 10 декабря 1916 г. за № 476 свидетельствует, что им 14 ноября для поимки бежавших из г. Троицкосавска трех военнопленных им были командированы четыре казака под командой Константина Бояркина. Инструкции были даны следующие: ехать до телеграфной станции Туэрин, находящейся в 400 верстах от Урги. Если до ст. Туэрин сведений о бежавших не получают – возвратиться, а если нападут на какие-нибудь следы – преследовать вплоть до монгольско-китайской границы; постараться доставить пленных живыми, а если окажут вооруженное сопротивление – мертвыми. Таким образом, приказанный Бояркин в точности исполнил полученный приказ [Там же. Л. 90].

Далее, в конце 1916 г., происходили задержания на границе германских военнопленных с фальшивыми документами [Там же. Л. 91].

Одновременно в Пекине и Шанхае российской разведкой были добыты письма председательницы германского благотворительного общества в Тяньцзинь на имя того же общества в Шанхае от 2 октября 1916 г. Письма содержали не подлежащие оглашению данные «о частных ссудах и казенных пособиях, выданных обществом в Тяньцзине австро-германским военнопленным в Сибири» [Там же. Л. 111].

На немецком языке в этом документе сообщалось: «В бюро помощи в Шанхае. Мы получили Вашу теле-

грамму 6 сего месяца и просим по телеграфу сейчас уже приступить к изготовлению различной одежды, не вынуждая получения образцов. Просим Вас при заказах поступать сообразно Вашему усмотрению. Мы хотели бы Вам сообщить, что Австро-Венгерское правительство предоставило нам 2 миллиона крон, которые должны расходоваться на одежду и т.п. для военнопленных» [9. Л. 118].

В приложении к документу был произведен расчёт приблизительных ежемесячных расходов [Там же. Л. 119].

Список местностей для поселения и лагерей военнопленных и объемы получаемых пособий (в рублях) от Бюро помощи был следующий: Балаганск – 4 000; Киренск – 1 200; Верхнеленск – 1 600; Колыван – 300; Даурия – 1 500; Владивосток и Иркутск – различные пособия на 500 руб.

Лагеря военнопленных: Никольск-Уссурийский – 270 руб.; Шкотово – 2 400; Спасское – 2 400 руб. Для Раздольного, Хабаровска, Красноярска сумма еще не определена, около 6 000–9 000 руб.

Деньги офицерским комитетам: Шкотово – 1 000 руб.; Спасское – 1 200; Нижнеудинское – 800; Каннское – 800; Омск – 300; Даурия – 600; Уссурийск Николаевский – 800 руб. [Там же. Л. 120].

После допросов задержанных военнопленных и получения сведений, что деньги ранее передавались военнопленным представителями американских благотворительных организаций, возник вопрос о деятельности американского отделения организации «Красный Крест» в России [Там же. Л. 93].

В процессе оперативной работы выяснились интересные обстоятельства. Оказалось, что работавший в организации американского Красного Креста по оказанию помощи германским и австрийским военнопленным в России норвежский подданный Ганс Гансум, пользуясь своим положением, содействовал побегам австро-германских военнопленных. Кроме того, по агентурным сведениям, означенный норвежский подданный посещал Харбин и Тяньцзинь, где и был завербован германской разведкой с целью сбора сведений о дислокации войск на восточных окраинах Российской империи.

Приметы Гансума, сообщаемые разведкой, были следующие: высокого роста, средней комплекции, с большими светлыми усами, бороду бреет, хорошо владеет русским языком, хорошо говорит по-английски, но с сильным иностранным акцентом [Там же. Л. 96].

На протяжении 1917 г. за Гансом Гансумом велось оперативное наблюдение. Как свидетельствуют документы, Г. Гансум перешел на службу в датское посольство, а затем стал представителем генерального уполномоченного шведского Красного Креста графа А. Боде. Он получил от последнего полномочия на закупку и поставку одежды и пищи для австро-венгерских и германских военнопленных. Об этом полномочии штаб Иркутского военного округа был своевременно уведомлен, и поэтому официальных оснований для задержания Гансума не было [Там же. Л. 121].

После этого чиновник по дипломатической части при Иркутском краевом комиссаре запросил российскую контрразведку, и 18 октября 1917 г. за № 6441 он получил ответ, в котором говорилось: «В делах

вверенного мне отделения имеются неблагоприятные сведения о бывшем служащем торговой фирмы “Кунс и Альберс”, датском подданном Вольдемаре Карловиче Ганзене (Гансе Гансуме).

Означенный Ганзен в присутствии посторонних лиц выражал сочувствие германской армии при сборе пожертвований на нужды русской армии в помещении фирмы “Кунс и Альберс”. На вопрос охотно ли он жертвует, Ганзен заявил, что лучше сейчас против желания он истратит сотни тысяч на русских, чем потом потерять миллионы. Так он был заподозрен в военном шпионстве, вследствие чего после производства у него обыска он оставил службу в торговом доме и занялся благотворительностью» [9. Л. 122].

20 октября 1917 г. российскому консулу было сообщено: «Ганзен состоит уполномоченным только Шведского Красного Креста по закупке одежды продовольствия пленным, о чем извещен Штаб Округа. Имеются неблагоприятные сведения о деятельности Ганзена» [Там же. Л. 123].

Были и другие пособники немцев в иностранных консульствах. Так, 1 мая 1917 г. за № 1114 чиновнику по дипломатической части уже при Исполнительном комитете края – гражданину Н.К. Эльтекову – пришлось предписать Исполнительного комитета, в котором говорилось, что по телеграмме Сретенского Комитета Общественной безопасности необходимо выяснить личность Феликса Францевича Любержинского, именующего себя уполномоченным Американского посольства [Там же. Л. 199].

По собранной информации, Феликс Францовис Любержинский, этнический поляк, был германский подданный. Около трех месяцев он был на службе у представителя американского посольства в Иркутске – Вебстера, исполнял поручения по развозу пожертвований.

Вебстер, после задержания Любержинского на железной дороге около Хабаровска, где последний пытался в конце апреля 1917 г. фотографировать стратегические объекты, уволил поляка с 1 мая 1917 г. [Там же. Л. 100].

Как следует из переписки американской благотворительной организации с председателем Исполнительного комитета Общественных Организаций (письмо от 16 мая 1917 г.), американская сторона информировала о следующих лицах, которые работали в конторе по оказанию помощи военнообязанным: господин Р. Смит – гражданин Соединенных Штатов, секретарь, сопровождающий Вебстера обыкновенно при поездках по местам водворения военнообязанных; господин Левкович, гражданин Соединенных Штатов, работал по выдаче одежды, материальной и денежной помощи военнопленным; Ярослав Августович Заводник, чех, конторщик; господин К.В. Брокль, поляк, конторщик; С.И. Балляен, поляк, кладовщик; К.Ф. Китц, германский подданный, регистратор; А.В. Изинберг, германский подданный, конторщик; Г. Горфман – германская подданная, конторщица; Солярх, чех, бухгалтер [Там же. Л. 104].

Таким образом, за иностранными подданными и гражданами велось наблюдение, но надзор за китайцами позволил выявить агента германской разведки не в среде иностранных дипломатов.

28 августа 1917 г. за № 232 начальнику штаба Иркутского военного округа была направлена информация о военнослужащем 12-го Сибирского стрелкового полка Михаиле Шенберге, оказавшемся германским подданным, шпионом [9. Л. 109].

Шенберг был зачислен на военную службу с 19 мая 1917 г. Харбинским воинским начальником и дослужился до должности командира роты Сибирских стрелков [Там же. Л. 110].

Зачислен он был благодаря ходатайству супруги – Антонины Эдуардовны Бержиховской – русской подданной, постоянно проживавшей в Мукдене. Что касается Михаила Христиановича Штейнберга, то, как выяснила агентура, он был германским подданным и имел постоянные контакты с германским консульством в Мукдене.

Впоследствии знание русского языка позволило германской разведке внедрить Штейнберга в состав российской армии. Надо отметить, что при аресте на руках у Штенберга был еще один паспорт 1907 г. за № 36 на имя крестьянина Лифляндской Губернии, Фаллинского уезда Михкеля Крестьянова Шенберга и свидетельство о благонадежности 5-го Отделения Полицейского Надзора от 19 ноября 1906 г. за № 45 [4. Л. 110].

В октябре 1917 г. за № 6487 Иркутскому Краевому Комиссару поступил рапорт из контрразведывательного отделения Штаба округа дела о военнопленном, лейтенанте австро-венгерской армии Франце Шарфе, проживавшем в г. Иркутске по документам на имя некоего военнообязанного Баруха Соломонова Генера. Специальной проверкой было выявлено, что свидетельство на право проживания в Иркутске упомянутому лицу было выдано Начальником охраны города на основании удостоверения личности, выданного Генеру-Шарфу представительством Датского посольства в г. Иркутске, причем основанием для выдачи этого документа послужило рекомендательное письмо представителя посольства в городе Балаганске, доктора Ганса Гольма при отсутствии у назвавшего себя Генером каких-либо документов, удостоверяющих его личность [Там же. Л. 124].

Ввиду выявленного неосторожного отношения к вопросу выдачи удостоверений личности «подданным враждебным нам держав» российские специальные службы просили оказать воздействие на Датское Представительство с тем, чтобы оно более осмотрительно и взвешенно подходило к вопросу выдачи удостоверения личности иностранцам, находящимся под их покровительством.

Кроме того, подозрение у российской контрразведки вызвал тот факт, что удостоверение личности Геннеру-Шарфу было выдано за подписью Ярослава Заводника, австрийского подданного, находящегося на работе в Иркутских представительствах посольств Дании и США.

Принимая во внимание то обстоятельство, что названный Заводник был зарегистрирован контрразведывательным отделением штаба округа как лицо неблагонадежное, в то же время он имел отношение к выдаче официальных документов подданным воюющих с Россией государств. 27 октября 1917 г. ав-

стрийский подданный Ярослав Заводник был выслан из города Иркутска на север – в город Балаганск в сопровождении конвоира [9. Л. 137].

26 октября 1917 г. Иркутскому краевому комиссару за № 9241-9382-9383 пришло на распоряжение три дела о военнопленных: вольноопределяющемся Германской армии Иоганном Папе, солдатом Венгерской армии Николаем Барта и офицером Австрийской армии Карлом Ленгере. Эти военнопленные бежали из лагерей, были схвачены и содержались в тюрьме Штаба Иркутского Военного округа [Там же. Л. 131].

Как выяснилось позднее, офицеры и вольноопределяющийся бежали с документами, которые предоставил им славянский комитет. Активное участие в снабжении документами оказал военнопленным Казимир Иосифович Кильчинский, передавший указанные удостоверения личности Николаю Барта.

На допросе Кильчинский признался, что он сам солдат Венгерской армии 20-го полка, а оформил удостоверение на имя Кильчинского в Петроградском польском обществе, обратившись туда за помощью как этнический поляк [Там же. Л. 134].

Отметим, что деятельность контрразведчиков проходила осенью 1917 г. в суровых условиях. Начиная с августа 1917 г. – времени Корниловского мятежа и резкого ослабления центральной власти – начинается и дезорганизация в деле охраны военнопленных. Так, солдаты 304 пехотной Вятской дружины возбудили ходатайство о выдаче им вознаграждения за «окарауливание военнопленных» [6. Оп. 9. Д. 11. Л. 411].

По сведениям контрразведывательного отделения округа, военнопленные по инициативе большевистского Комитета общественной безопасности «отлучаются из мест водворения без конвоя, заводят дружеские сношения с русскими солдатами, участвуют в митингах и даже произносят на таковых речи» [Там же. Л. 283–284].

Итак, правоохранительная политика российской администрации в годы Первой мировой войны в отношении иностранцев характеризовалась усилением оперативной работы, направленной на выявление и пресечение организации побегов военнопленных, находившихся на территории Сибири и Дальнего Востока России. В рамках оперативной разработки иностранцев под подозрение попали подданные и граждане иностранных государств, работавшие в годы Первой мировой войны в дипломатических миссиях и общественных благотворительных организациях. Их подозревали в снабжении германских и австро-венгерских военнопленных документами и деньгами с целью организации побегов.

Российской разведке удалось установить за китайскими агентами германской разведки наблюдение. Благодаря этому наблюдению и перлюстрации корреспонденции, специальным службам удалось выявить германских агентов, внедренных на службу в иностранные организации, действовавшие в Восточной Сибири и на русском Дальнем Востоке. Вместе с тем неоспорим тот факт, что февральская революция 1917 г. резко снизила эффективность российской правоохранительной системы в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Т. 5. Д. 6772-73.
2. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг. Шпионмания и реальные проблемы. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2000. 382 с.
3. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск : Изд-во Хабар. гос. пед. ун-та, 1999. 365 с.
4. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 112.
5. Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 999.
6. РГВИА. Ф. 1558.
7. Государственный архив Читинской области. Ф. 26. Оп. 2. Д. 29.
8. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491.
9. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 38.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 августа 2016 г.

ACTIVITIES OF THE SECURITY AGENCIES OF RUSSIA AND ILLEGAL FOREIGN PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE EAST OF RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 47–52.

DOI: 10.17223/15617793/411/7

Raisa A. Izakson, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation).

E-mail: raysa@mail.ru

Keywords: First World War; China; Russia; foreigners; prisoners of war; migration; documents.

In the article, the author studied materials indicating the policy of the Russian Empire in the field of migration in the same period. This study presents documents from the State Archive of Irkutsk Oblast, from the Russian State Military History Archive, from the Russian State Historical Archive, from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire and from the State Archive of Chita Oblast that have not been studied before. The strengthening of Russia's control over the movement of foreign nationals in the first place, Ottoman, Austrian and German empires, as well as of prisoners of war, was connected with the need to ensure the safety of the country during the First World War. In the area of the Russian-Chinese border numerous attempts of escape of prisoners of war to China, aliens' illegal passages under false documents were found. It should be noted that during the war the passage of the Turks with false passports through the Russian territory was not a strange event, but an ordinary crime, which was a clear indicator of the weakness of the passport control of the police gendarmerie of the Trans-Baikal Railway. Such IDs allowed Turkish nationals, deported to China from the Tracksides of the Chinese Eastern Railway, not only to travel to Russia, but also to live in Moscow. In most cases this fact did not constitute a danger; but Russia's enemies could use such IDs for their own purposes. The author pays attention to the dynamics of the Russian migration policy processes in this period, confirming the conclusions by references to historical sources; identifies positive and negative aspects of the studied processes for their further study. In addition, the article describes the importance of the activities of an official in the diplomatic part under the Irkutsk Governor-General, and since 1917 under the Executive Committee, and later under the Commissioner of the region on fighting with foreign spies and war prisoner escape prevention. After examining Case 112 of the State Archive of Irkutsk Oblast, the author concludes that the diplomatic part of the Russian regional administration together with Russian law enforcement agencies had done a lot of work during the war to identify the accomplices of enemy agents in the ranks of foreign consulates located in the territory of Irkutsk. Thus, this work reflects all historical processes in the field of migration of foreign nationals and prisoners of war. It is of research interest not only for experts, but also for everyone who is not indifferent to the history of Russia. In addition, the article is important today in connection with the reform of the state bodies of control and supervision in the sphere of migration conducted in the country at the present stage of its development.

REFERENCES

1. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 2000. List 1. Vol. 5. File 6772-73. (In Russian).
2. Grekov, N.V. (2000) *Russkaya kontrrazvedka v 1905–1917 gg. Shpionmaniya i real'nye problemy* [Russian counter-intelligence in 1905–1917. Spy mania and real problems]. Moscow: Mosk. obshchestv. nauch. fond.
3. Ikonnikova, T.Ya. (1999) *Dal'nevostochnyy tyl Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian Far East rear in the First World War]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University.
4. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 25. List 11. File 112. (In Russian).
5. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund *Tikhookeanskiy stol* [Pacific desk]. List 487. File 999. (In Russian).
6. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 1558. (In Russian).
7. State Archive of Chita Oblast. Fund 26. List 2. File 29. (In Russian).
8. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund *Kitayskiy stol* [Chinese desk]. File 491.
9. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 25. List 11. File 38. (In Russian).

Received: 22 August 2016